

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В УСЛОВИЯХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ (1940 – 1950-е годы)

А. А. Шадт

Этническое самосознание¹ является глубинным, природным свойством как отдельного человека, так и социальной общности (семья, народ, государство), которое определяет рамки той или иной формы ментальности, а следовательно, и предрасположенность к одним и неприятие других форм и методов социальной организации. Последние через пропаганду, идеологию, средства массовой информации, религиозные и прочие социальные, политические и экономические институты в свою очередь также влияют на формирование индивидуального и коллективного сознания, в том числе и этнического самосознания. Механизмом, и напрямую и опосредовано повлиявшим на этническое самосознание советских (российских) немцев, оказавшихся в результате депортации в Сибири, оказалась «этническая ссылка», сформировавшаяся в рамках системы спецпоселений.

Необходимо отметить дискуссионный характер заявленной темы. Обсуждение вопросов о самосознании российских немцев, об их этнической идентичности, о правомочности обозначения исследуемого этноса в качестве «российских немцев» или «немцев России», а также вопросов, связанных с идентификацией этноса и этничности, неоднократно поднималось, в том числе и в научной литературе², что само по себе является темой отдельной публикации.

О проблематичности обозначения этнического самосознания говорят многие авторитетные исследователи. Так, Т. Б. Смирнова говорит об отсутствии «единого этнического самосознания у немцев» (в данном случае, немцев Западной Сибири)³, но в то же время указывает на существование крупных землячеств российских немцев, существующих по всему миру, и особо оговаривает, что у «русских немцев» сформировалось «четкое самосознание»⁴. Э. Р. Барбашина и Е. В. Захарова убеждают нас, что «значительное число немецкой молодежи Сибири... считает себя немцами и субъективно, сознательно ориентируется на этническую идентификацию»⁵. И. В. Нам утверждает, что «к началу XX в. немцы тем не менее по-прежнему сохраняли свою идентичность»⁶. Об осознании единства различных групп немцев говорит, по ее мнению, «создание в 1917 г. Всероссийского

союза немцев и меннонитов»⁷. Несмотря на определенную противоречивость мнений и различия в оценке явления, многие исследователи продолжают оперировать (и очевидно, не только по привычке) установившимся термином «российские немцы», под которым мы понимаем этническую группу (этнос) «российские немцы» сформировавшуюся именно в России и реально существующую как этнос уже по меньшей мере к концу XIX в.

С другой стороны, И. Р. Плева ставит под сомнение саму возможность рассмотрения немцев в России «как единый народ – российские (раньше – советские) немцы». Автор убеждает нас в необходимости принять как более правильный с научной точки зрения термин «немцы России», утверждая, что «немцы никогда не представляли в России единый народ». В качестве доказательной базы автор предлагает свое утверждение об ограниченности, а в большинстве случаев и полном отсутствии контактов и взаимовлияния различных групп немецкого населения. Причиной же подобной разобщенности, по мысли автора, «являлись социальные, конфессиональные и территориальные различия»⁹. Автор поделил немецкое население России на следующие группы: по социальному признаку – на колонистов/поселян-собственников, мещан и дворян; по конфессиональному признаку – на лютеран, католиков, православных и меннонитов; по территориальному признаку – на немцев Прибалтики, Петербурга и Москвы, Поволжья, Новороссии (Украины), Закавказья, Волыни¹⁰.

Исходя из вышепредложенного утверждения и следуя логике автора, не только российские немцы, но и все остальные народы России, в том числе и русский этнос, также не могут претендовать на добавление к своему этнониму прилагательного «российский»¹¹. Все они также разделялись по социальному, конфессиональному и территориальному признаку, что не позволяет «считать их единым народом»¹². Необходимо отметить, что «единых», монолитных или однородных народов в природе практически не существует. В свою очередь, И.Р. Плева признает, что можно «с-е-й-ч-а-с (разрядка – И.Р.Плева) говорить о существовании этноса «российские немцы»¹³. Вопрос о том, что депортация и спецпоселение привели к созданию этноса «российские немцы», хотелось бы оставить пока открытым, но необходимо заметить, что дисперсное расселение российских немцев в результате депортации и спецпоселения, наоборот, резко сузило механизмы внутриэтнической коммуникации, что сделало практически невозможным любые попытки этнической мобилизации. Действительно, в нестабильной, кризисной ситуации, перед лицом опасности этнос мобилизуется, спланивается и в ощущении своего единства черпает ресурсы для достижения по-

ставленной цели. Совместная деятельность, победы или лишения объединяют этнос, заставляют ощутить силу этнического сознания и этнической принадлежности. Однако, если коммуникационные механизмы обмена информацией не работают, создать, воссоздать или сконструировать этнос, народ или нацию на пустом месте не удастся.

Важнейшим признаком этноса является этническое самосознание, наличие которого не определяется неким набором конкретных и изначально заданных признаков. Могут меняться формы территориально-политической организации этноса, но ее существование не является обязательной. Могут меняться культурные, экономические, социальные и прочие условия существования этноса, но если сохраняется этническое самосознание, этнос продолжает существовать.

Не ставя перед собой задачу подготовки историографического обзора по заявленной теме, хотелось бы отметить, что современная наука пока не нашла репрезентативного критерия такого субъективного явления, каким является этническое самосознание как индивида, так и народа. Однако отсутствие объективного механизма определения этнического самосознания говорит только о временном несовершенстве категориального и методологического научного аппарата, а никак не об отсутствии самого явления.

Сложилась ситуация, когда, отсутствие единого критерия определения носителя этнического самосознания, а следовательно, этнического (национального) сознания народа приводит к научным противоречиям, когда прав каждый исследователь, но лишь в узких рамках своей темы или исторического периода. Осмысление феномена этнической идентичности только началось, что позволяет автору в рамках дискуссии предложить свою трактовку трансформации этнического самосознания российских немцев в условиях этнической ссылки.

В 1930–1950-е годы в СССР сложилась особая система административной ссылки, получившая название – «спецпоселение». В силу системных требований спецпоселение попутно и под действием объективных и субъективных факторов оказывало определяющее воздействие на самосознание спецпереселенцев, в том числе и на его этническую составляющую. Проведение этнических депортаций 1930–1940-х гг. и организация спецпоселений для отдельных этносов в значительно большей степени влияло на этническую идентичность. Это дает возможность, с нашей точки зрения, утверждать, что «спецпоселение» в эти годы приобретает черты «этнической ссылки».

Первоначально на спецпоселении находились так называемые «кулаки» и «подкулачники», которые в качестве политических и социальных против-

ников были отправлены на спецпоселение (трудпоселение) в северные и восточные регионы СССР¹⁴. «Кулаков» расселяли компактно изолированными группами, как правило, в малонаселенных, необжитых местах, что в полной мере отвечало необходимости ликвидации или изоляции возможных классовых противников исходя из сталинского тезиса «усиления классовой борьбы». В дальнейшем место политических и социальных противников заняли этнические.

В свою очередь, существующая до 1939 г. система «трудссылки», имеющая социально-политическую направленность, в связи с этническими депортациями 1940-х гг. была трансформирована в систему спецпоселений территориально-этнического характера¹⁵, к которой, по нашему мнению, применимо понятие: «этническая ссылка». Под «этнической ссылкой» мы понимаем «систему расселения депортированных по этническому принципу народов с установлением административного надзора со стороны специально уполномоченных органов. Надзор включал в себя правовые ограничения с целью наказания и/или предупреждения политических преступлений в их среде». Этнические спецпереселенцы (депортанты), в отличие от «кулаков», расселялись дисперсно среди местного населения. Возникновение нового подхода в принципе расселения, на наш взгляд, связано с изменением приоритетов. Этнические депортации не ставили задачу изоляции существующих или возможных коллаборационистов. Как известно, в условиях этнической изоляции более вероятен рост этнического самосознания, чем его спад. Совместное изолированное проживание делает возможным в дальнейшем обострение национальных конфликтов, рост этнического самосознания депортированных народов, приводит к формированию этнических границ и барьеров, которые, будучи один раз установлены, потом постоянно продуцируются. Как мы предполагаем, дисперсное расселение этнических депортантов среди инокультурного окружения должно было, по мнению организаторов данной акции, привести к постепенной ликвидации этнического самосознания переселенных народов, оказавшихся на положении этнического меньшинства в окружении национального большинства. Именно дисперсное расселение сыграло основную и определяющую роль в трансформации этнического самосознания российских немцев в Сибири, спровоцировав их ассимиляцию.

Спецификой нашего исследования является тот факт, что в 1940–1950-е гг. на спецпоселение были помещены разностатусные этнические группы, как имеющие свою государственность, так и никогда прежде в рамках СССР ею не обладавшие. Среди них как пособники фашизма были репрессированы

крымские татары и чеченцы, калмыки и ингуши, карачаевцы. Как представители государств, воевавших или воюющих против СССР, были депортированы на спецпоселение этнические болгары, венгры, румыны, финны, а также другие нации и народности, в силу разнообразных причин, в том числе этнического характера, получившие особое место и внимание со стороны карательных органов. Это более трех с половиной миллионов человек, представителей 12 этносов¹⁶. К числу народов, помещенных на спецпоселение, относились и российские немцы – самый многочисленный этнос из утративших в результате репрессивной национальной политики советского государства свою государственность. Российские немцы оказались и самым большим контингентом в системе спецпоселений, составляя более половины от всей численности спецпоселенцев.

Тема нашего исследования предполагает анализ этнического самосознания российских немцев, его трансформацию в условиях тоталитаризма и тоталитарного массового сознания. Тоталитарные политические режимы – явление, широко известное исторической и политической науке. Они существовали в течение XX в. и продолжают существовать поныне. Причины их «живучести» напрямую связаны с формированием особого типа личности, для которой не существует иного, кроме существующего, типа общественного устройства и способа государственного управления. Подобная личность непрерывно воспроизводит тоталитарное сознание (национальное, интернациональное, классовое, советское) даже в экстремальных условиях спецпоселения.

Исследователи тоталитаризма наделяют данную личность чертами абсолютизма, дихотомизма мышления, категоричностью формулировок «свой – чужой», «друг – враг». Для нее (тоталитарной личности) характерны вера в непогрешимость своих вождей, нарциссизм, самолюбование: «лучшая нация», «лучшая страна». Односторонность, одномерность сознания: «одна идея», «одна партия», «один вождь», некритичное отношение к существующим порядкам и шаблонам, стереотипность мышления, пропитанного стереотипами пропаганды. Личность с тоталитарным сознанием ориентируется на власть и силу, жаждет этой власти, проявляет с одной стороны авторитарную агрессию, а с другой – постоянную готовность к подчинению. Подобные личности склонны к упрощению, сведению сложного к более простому, схематизму, однолинейности мышления¹⁷.

Тоталитарный политический режим просуществовал в СССР не одно десятилетие. Под его влиянием сформировался особый тип тоталитарного сознания, которым в значительной степени обладали как депортированные

немцы, так и местное население, среди которого они оказались. Российские немцы, существуя в условиях давления массового тоталитарного сознания и будучи его носителями в результате депортации оказались в состоянии конфликта сознаний – тоталитарного, советского и этнического. Раскол по линии сознания привел к возникновению ситуации выбора у депортированных – между массовым и этническим сознанием. Каждый немец, существуя в условиях дисперсного проживания (спецпоселения) в течение 10–15 лет, был вынужден, в зависимости от сложившихся условий, самостоятельно определять базисные этнические установки. И только определенные культурные различия, в первую очередь этнические, оказались способны в какой-то мере нивелировать деструктивное влияние массового тоталитарного сознания на этническое самосознание. Именно этнические различия позволили депортированным российским немцам (при условии сохранения языка, элементов национальной культуры) сберечь в том или ином виде свою самобытность.

В структуре этнического самосознания мы выделяем два аспекта. Первый относится к личному, индивидуальному, субъективному самосознанию. Второй – к групповому, коллективному, массовому сознанию.

В качестве рабочей дефиниции «этнического самосознания», отвечающей потребностям данной работы, мы предлагаем следующее: с одной стороны, под этническим самосознанием нами понимается субъективное отражение объективно функционирующей реальности через призму этнических установок и ценностей. В данном случае вектор этнического самосознания направлен изнутри – от личности к государству, что в силу специфики личностного восприятия носит субъективный характер.

С другой стороны, этническое самосознание – это «конструкт», создаваемый этнической элитой, средствами массовой информации, системой образования, государством. В этом случае вектор этнического сознания имеет полярную направленность – от государства, общества к личности, к ее индивидуальному этническому самосознанию, что придает ему с точки зрения личности объективный характер. Таким образом, этническое самосознание личности, группы в ряде случаев может совпадать с массовым, государственным, а может ему противостоять, противоречить. Перед нами два аспекта одного явления, два взгляда на один процесс, но с противоположных позиций, что позволяет провести достаточно репрезентативный анализ рассматриваемого явления.

Отражение реальности – основной аспект этнического самосознания¹⁸. Российские немцы, в большинстве своем существующие в рамках нацио-

нально-территориальных образований¹⁹, в местах компактного проживания в результате депортации и спецпоселения оказались в совершенно новых условиях. Новая реальность, искусственно созданная государством, практически не имела аналогов для депортированных немцев. Если советское мировоззрение в определенной степени уже было воспринято немцами, живущими в СССР, в немалой степени потому, что не затрагивало основ этнического самосознания и базировалось на ценностях добровольного сотрудничества наций, то в процессе принудительных переселений этническому сознанию российских немцев пришлось рисовать, создавать новую картину мироощущения, основываясь на предложенных государством правилах. Старый, традиционный опыт вряд ли был приспособлен для выживания в чуждых условиях и нуждался в модернизации, если не в полной трансформации. С другой стороны, имелась определенная база, способная сыграть роль буфера и сгладить остроту ассимиляционных процессов. Это – уже упомянутое нами тоталитарное (советское) сознание. В условиях тоталитарного государства «привычка» ставить на первое место общественные интересы, интересы страны, оказалась одним из способов действия механизма подмены этнического сознания национальным или интернациональным.

В качестве иллюстрации рассмотрим круг этнического подобия советских (российских) немцев. Круг подобия представляет собой совокупность определенных этнических установок, вложенных одна в другую²⁰:

- 1 – уровень субъективной этнической самоидентификации: Я – НЕМЕЦ.
- 2 – уровень субъективной этнической идентификации (этногрупповой принадлежности): Я – МЫ – НЕМЦЫ (РОДСТВЕННИКИ, ДРУЗЬЯ, СОСЕДИ).
- 3 – уровень объективной этнотерриториальной идентификации (этнотерриториальной принадлежности): МЫ – НЕМЦЫ – ГРАЖДАНЕ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ.
- 4 – уровень национально-государственной идентификации (государственной принадлежности): МЫ – НЕМЦЫ – ГРАЖДАНЕ СССР – СОВЕТСКИЙ НАРОД²¹.

Каждый из этих конструкций и особенно первые три жизненно важны для определения этнической идентичности, что в нашем случае позволяет считать их тождественными этническому самосознанию.

В результате депортации и спецпоселения картина реальности, достаточно привычная и стройная для усвоения этносом, оказалась разрушенной. Из традиционной системы этнического самосознания практически сразу же выпали два средних звена – этногрупповая принадлежность и этнотерриториальная.

Российские немцы, проживающие до выселения большей частью в компактных поселениях, были рассеяны по обширным просторам Сибири, Казахстана и Средней Азии. Дисперсное проживание в условиях спецпоселения, в рамках довлеющего воздействия других этногрупп негативно повлияло на численность, этническое самосознание, лингвистический и культурно-бытовой комплексы спецпереселенцев-немцев.

Так, определяющий удар по осознанию этногрупповой принадлежности российских немцев был нанесен депортацией, вернее ее обоснованием. По Указу от 28 августа 1941 г. немцы Республики обвинялись в подготовке диверсий и шпионаже, а также в укрывательстве «в своей среде врагов советского народа и Советской власти». При этом обвинение распространялось практически на все население Республики: «тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов»²². Ощущение этногрупповой принадлежности, как известно, является определяющей категорией для этнического самосознания. Абстрактное знание о наличии немцев «вообще» не дает возможности для культурного воспроизводства, сохранения традиций, обычаев и норм этнического поведения. Российские немцы как этногрупповая общность в силу примата тоталитарного сознания добровольно приняли на себя вину, вмененную им советской государственной пропагандистской машиной, и без сопротивления поехали в изгнание. Эти «вина», «историческая несправедливость» или «божье наказание», вне зависимости от того, что выбирали в качестве мотивации сами переселенцы, очень быстро разрушили механизмы, сдерживающие центробежные процессы в этносе, а раздельное проживание на спецпоселении только усугубило утрату чувства этногрупповой принадлежности.

Уровень субъективной этнической идентификации, второй круг этнического подobia: Я – МЫ – НЕМЦЫ, включающий в себя семью, родственников, друзей, соседей, в результате дисперсного расселения, ограничения передвижения и мобилизации трудоспособных немцев и немок в «трудармию» оказался бесповоротно разрушенным. Кроме того, социально-психологический конфликт между этническим и тоталитарным сознанием, ранее сглаживаемый советской национальной политикой и пропагандой, резко обострился в условиях войны и полной лишений жизни. Выделение «комплекса вины» в результате депортации, последующее оформление «комплекса изгоев» среди остальных этнических групп в условиях спецпоселения, запрет на возврат в родные места после снятия правовых ограничений вырвало российских немцев из общего советского «МЫ», оборвало этнокультурные корни, привело к утрате равнозастатусного положения в «единой

братской семье народов». Лакуны, образовавшиеся на месте традиционных установок, неминуемо должны были заполниться в силу самой природы человеческого сознания.

Существуют по меньшей мере две возможности по формированию этнических установок. Одна предполагает восстановление традиционных, но адаптированных к новым условиям проживания уровней этнической самоидентификации. Однако, во-первых, в условиях дисперсного расселения говорить о консолидации этноса вокруг этнической элиты не представляется возможным из-за ее изоляции и самих условий проживания на спецпоселении. Во-вторых, в течение войны и периода нахождения на спецпоселении самоназвание «немцы», пускай даже с прилагательным «советские» вызывало негативную реакцию у части местного населения и практически у всего руководящего состава советских учреждений и организаций, поскольку срабатывал стереотип военного времени. Он мог носить бессознательный характер, но не становился от этого менее действенным. И, в-третьих, сами немцы прекрасно понимали, что в данных условиях быть или считаться немцем «небезопасно...».

Существовала и другая возможность, оказавшаяся в большинстве своем единственным выходом, позволяющим избавиться от чувства чуждости и инородности, социальной апатии и политического равнодушия. Таким выходом стала ассимиляция советских немцев в «советский народ», что позволило в определенной мере снять психологический груз вины, стать «своими», раствориться в рамках безразмерного, аморфного социального образования – СССР. Однако стать «советскими» можно было только в процессе аккультурации, принципиальным отличием которой является добровольность принятия установок другой культуры. Теоретически у советских немцев имелась и третья возможность сохранения этнической самоидентификации. Это эмиграция в Германию, где процесс восстановления этнического самосознания протекал бы наименее болезненно из всех возможных вариантов. Однако указанный вариант, как маловероятное явление в советское время, отложился до посттоталитарных времен.

Утрата этнотерриториальной принадлежности, которая вылилась в ликвидацию Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП), с последующим разделом территории республики между соседними областями также оказалась фатальной для российских немцев. Исчез еще один (третий) круг этнического подobia – **МЫ – НЕМЦЫ – ГРАЖДАНЕ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ** – уровень объективной этнотерриториальной идентификации (этнотерриториальной принадлежности).

С позиций этнического самосознания для каждого этноса наличие Родины (территории), независимо «большой» или «малой», но законодательно закрепленной именно за этим этносом, дает ему право на признание его «полноценным» народом. Для российских немцев этот вопрос был чрезвычайно важен. Не имея давней истории в России, оказавшись первоначально на правах гостей, приглашенных колонистов, они не имели возможности претендовать на предоставление территориальности в рамках восстановления некоей исторической справедливости. С другой стороны, крымские татары или чеченцы, сформировавшиеся на определенных территориях как этносы, и затем принудительно включенные в состав Российской империи, а впоследствии и СССР, такое право, с позиций этнического самосознания, имели. Таким образом, утрата автономии поставила под сомнение сам факт существования немецкого этноса в России и правомерность присутствия российских немцев в государстве.

В результате жизни на спецпоселении стала разрушаться и базисная этническая установка (Я – НЕМЕЦ) – уровень субъективной этнической самоидентификации. Утрата языка, принятие культурных ценностей и установок новых мест проживания, негативное отношение к этническим депортантам в период войны, особенно со стороны местных властей, условия спецпоселения привели к дальнейшему размыванию этнических установок у российских немцев²³.

Существует несколько особенностей этнического самосознания российских немцев в условиях спецпоселения. Во-первых, инославянское этническое окружение в условиях спецпоселения Казахстана и Средней Азии привело к определенной этнической консолидации, к росту стремления сохранить свою этническую идентичность. Наши исследования подтверждают тот факт, что, например, депортированные «казахстанские» немцы в большей степени, чем «сибирские», сохранили свою этническую идентичность. Данный сюжет, бесспорно, нуждается в дальнейшем изучении и объяснении²⁴. Однако мы предполагаем, что давление «восточной, азиатской» культуры, значительно отличавшейся от «европейской», не смогло оказать «должного» ассимилирующего эффекта. Дополнительными факторами оказались расовые и конфессиональные различия, различия земледельческой и кочевой культур, значительно затруднившие процессы аккультурации. Все это и вызвало противодействие на уровне первого круга подобия (Я – НЕМЕЦ), что привело к формированию, но уже на новой основе второго круга (Я – МЫ – НЕМЦЫ), которые в свою очередь стремились в окружении инонациональностей селиться компактно и соответственно сохранять свою этническую идентичность и самосознание²⁵.

И другая особенность. После отмены режима спецпоселения у части репрессированных народов были восстановлены национально-территориальные образования по указаниям «сверху». С российскими немцами, как известно, этого не произошло.

И если чеченская этническая элита, сохранившаяся в условиях спецпоселения, смогла восстановить тот самый этнический «конструкт», о котором говорилось выше, то немецкая элита в силу объективных и субъективных факторов оказалась совершенно к этому не готова. Будучи первоначально обескровленная чистками 1930-х гг., практически целиком лояльная советской власти в силу «естественного» отбора, прожившая годы в изоляции от этноса и особенно в силу специфики расселения, оказалась бесповоротно разобщена с своим этносом как по вертикали, так и по горизонтали. Элита российских немцев так и не смогла восстановить историческую справедливость в виде воссоздания АССРНП. Отчасти это произошло в силу сопротивления государственных структур, убоявшихся волны сепаратизма, отчасти в силу разобщенности и слабости самой элиты и ее подконтрольности спецслужбам. В любом случае дальнейшее направление трансформации этнического самосознания российских немцев было predetermined. Этническое самосознание, сохранившееся у части советских немцев, направило их после короткого периода борьбы за восстановление автономии в 1980-х гг. в эмиграцию на «историческую родину».

Обратимся ко второму аспекту этнического самосознания (сознания), когда оно выступает в роли особого «конструкта», носящего для личности объективно-директивный характер.

Российские немцы в результате принудительного выселения и жизни на спецпоселении оказались лишены возможности воспроизведения традиционной конструкции этнического самосознания в силу ряда объективных причин, частью указанных выше. Этническая элита как таковая практически ничем себя не проявляла из-за неимения средств и механизмов влияния. Этнические средства массовой информации отсутствовали, а их существование для спецпоселенцев не предполагалось вообще. Система этнического образования также не входила в сферу интересов надзирающих органов, а в плане языка «повезло» только «российским» немцам. В систему советского образования входило изучение немецкого языка. Однако задачу этнической идентификации, функцию этнического маркера для российских немцев, чей язык значительно отличался от немецкого литературного, он, естественно, выполнять не мог. Получалось, что единственную возможность и право воздействовать на этническое сознание депортиро-

ванных немцев получило государство, имеющее свое понимание национального сознания и свои планы по процессу его формирования.

Советское государство для спецпоселенцев и всего населения страны строило свой «конструкт», но он имел мало общего с этническим самосознанием народов СССР. Новый конструкт предполагал «создание советского народа» или «конструирование советской национальности (этничности)». Этническое разнообразие самосознаний должно было уступить «советскому» массовому, тоталитарному сознанию. Под «конструированием советской национальности» нами понимается «целенаправленная деятельность советского государства в области национальной политики, основной целью которой являлось формирование из этнически неоднородного по своему составу населения страны единой национальной общности в рамках государства путем ассимиляции, в том числе принудительной, с использованием преимущественно насильственных методов». Среди последних особая роль принадлежала уже упомянутым нами депортациям по этническому признаку (этническим депортациям) и системе спецпоселений (этнической ссылке).

В отношении российских немцев советское государство в условиях спецпоселения сформировало особое пространство, внутреннее содержание и границы которого жестко контролировались органами НКВД. На органы НКВД ложилась работа по недопущению формирования «неправильных» этнических установок и представлений (т.е. разрушение этнического самосознания), предотвращение националистических проявлений, «уклонов». Все это происходило помимо всеобщего идеологического воспитания через систему средств массовой информации.

Вся, так называемая «воспитательная» работа с депортированными немцами велась на четвертом уровне «этнического» подобию (МЫ – ГРАЖДАНЕ СССР – СОВЕТСКИЙ НАРОД). Это уровень гражданственности, политической принадлежности к советскому народу, уровень национально-государственной идентификации, уровень национальной политики государства.

Итак, что же произошло? Почему российские немцы в 1940–1950-е годы оказались на пороге утраты этнического самосознания? Назовем предполагаемые причины данного явления:

- тоталитарное сознание, идеологический примат интернациональных ценностей, отсутствие критического мышления и оппозиции;
- принятие депортации и спецпоселения как объективно обусловленную реальность, формирование комплекса «вины» и комплекса «изгоев»;

- переход от этнического (немецкого) самосознания к «советскому», социальному, интернациональному, активизация процессов разрушения этнической самоидентификации;
- разобщенность этноса с национальной элитой, разрушение семьи как главного хранителя и передатчика этнического сознания; ликвидация религиозных институтов и национально-территориального образования;
- целенаправленная ассимиляционная национальная политика советского государства.

В итоге мы можем отметить тот факт, что жизнь в условиях спецпоселения, давление инокультурных ценностей снизу и идеологических установок сверху привели к практической ликвидации этнического самосознания российских немцев. Часть из них «растворилась» в советском народе, часть, сохранившая этническое самосознание на личном уровне, в дальнейшем выехала за пределы страны. В современных условиях мы можем говорить только о присутствии в этническом самосознании российских немцев первого круга подобия Я – НЕМЕЦ в значительно трансформированном и порой усеченном виде.

Однако это утверждение ни в коей мере не говорит о полной ликвидации этнического самосознания российских немцев. Оно трансформировалось из привычной нам формы групповой солидарности в идентичность, определяемую осознанным, индивидуальным, свободным выбором человека. Идущие на данный момент процессы создания национально-культурных автономий, национальных районов не способны, по мнению автора, повлиять на дальнейшую дезинтеграцию традиционного этнического самосознания российских немцев.

Выскажу сакраментальную мысль, что механизмом, перечеркнувшим возможность нового всплеска этнического самосознания российских немцев и формирование устойчивой этнической группы на определенной территории, оказалась сама возможность массовой эмиграции российских немцев в Германию. Эмиграция дала достаточно простой и экономически целесообразный способ сохранения этнической идентичности, но уже на совершенно новых условиях и в совершенно новой форме. Определяющим фактором здесь оказалась экономическая состоятельность нового места проживания.

---

¹ Обычно категории «сознание» и «самосознание» используются: первое – для обозначения массового этнического сознания, второе – соответственно, для обозначения этнического самосознания личности. С другой стороны, указанные категории носят неразрыв-

ный характер и не требуют дополнительных уточнений, что позволяет использовать их как синонимы, как семантически схожие конструкции, исходя из контекста. Тем не менее, исходя из требований удобочитаемости, этническое самосознание мы относим к характеристике российских немцев (как части целого), в отличие от массового советского сознания 1940–1950-х гг. (как целого, включающего в себя всю совокупность общественного сознания, а следовательно, и совокупность этнических самосознаний).

² См.: Смирнова Т. Б. Этническое самосознание и этнические процессы у немцев Западной Сибири // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С.485–492; Барбашина Э. Р., Захарова Е. В. Проблемы этнической идентичности молодежи российских немцев сегодня // Немцы России в контексте Отечественной истории. М., 1999. С.185-200; Плева И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте Отечественной истории. М., 1999. С. 203–208; Нам И.В. Немецкие колонии в России и Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР, 1901–1941 гг. М., 2000. С.17-30; Барбашина Э. Р. Проблемы адаптации немцев в Сибири (1941-1945 гг.) / / Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941 – 1955 гг. М. 2001. С. 483–502; Славина Л. Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941 – 1955 гг. М. 2001. С. 503–516; Нам И. В. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941 гг. М., 2002. С. 361–398; Кригер Е. Э. Отношения между Россией и Германией в начале XX в. как условие формирования образа мира российских немцев // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941 гг. М., 2002. С. 399–402; Прокопьева Н.В. К вопросу о формировании этнической культуры российских немцев // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941 гг. М., 2002. С. 403–408; Вашкау Н.Э. Феномен культурной идентичности российских немцев в условиях родины и чужбины. XX век. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941 гг. М., 2002. С. 409–418; Иларионова Т.С. «Нойес Лебен» и ее роль в формировании национального самосознания российских немцев // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). М., 2003. С. 61-74; Амелин В.В. Эмиграция и иммиграция немцев. Проблемы сохранения национальной идентичности оренбургских немцев // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). М., 2003. С. 232–237 и др.

³ Смирнова Т.Б. Указ. соч. С.492.

⁴ Смирнова Т.Б. Указ. соч. С.487.

⁵ Барбашина Э.Р., Захарова Е.В. Указ. соч. С.185.

⁶ Нам И.В. Указ. соч. С. 22.

⁷ Там же. С.23.

⁸ Плева И.Р. Указ. соч. С. 203.

⁹ Там же С. 204.

¹⁰ См.: Там же. С.203-207.

¹¹ «Единым народом», таким образом, возможно, может быть только этнос, имеющий однородную социальную структуру, единую религию или идеологию и проживающий компактно, на одной территории?! (СССР?).

¹² Среди них также были и есть и богатые и бедные, и православные и язычники, или, например, староверы и москвичи, сибиряки, русские жители Сахалина. В настоящее время в науке не используются указанные критерии как факторы, объясняющие отсутствие «единого народа». С другой стороны территориальная разобщенность цыган или евреев не заставляет усомниться в классификации этих народов как этносов, с развитым этническим самосознанием.

¹³ Плева И.Р. Указ. соч. С. 208.

¹⁴ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С.3.

¹⁵ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939 – 1945 гг. / Предисловие, ред., В.П. Данилов, С.А. Красильников / Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пащенко, Р.К. Суханова. – Новосибирск: ЭКОР, 1996. С. 3.

¹⁶ См.: Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шапов Д.В. Система мест заключения в СССР 1929–1960 / Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923 – 1960: Справочник. О-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. М.Б. Смирнов. Под ред. Н. Г.Охотина, А. Б.Рогинского. М., 1998. С. 29–30.

¹⁷ См., например: Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов). Ч. 1–2. М., 1993.

¹⁸ Этому аспекту уделено основное место в нашем исследовании, т.к. по поводу второго аспекта за последние 10-15 лет вышло немало работ, посвященных анализу действия идеологических механизмов тоталитарного государства. См. например: Авторханов А. Технология власти // Новый мир. 1989. № 5–9; Возвращение памяти // Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1991–1996. Вып. 1–4; Конквест Р. Большой террор: В 2 кн. Рига, 1991; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГУ. М., 1991; Бакунин А.В. Советский тоталитаризм: генезис, эволюция и крушение. Екатеринбург, 1993; Он же. История советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1996. Кн. 1: Генезис. Екатеринбург, 1997. Кн. 2: Апогей;

¹⁹ Например – АССРНП – Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья, или ранее, до 1938 г. немецкие национальные районы и сельсоветы.

²⁰ Или своего рода русскую матрешку, состоящую из последовательно вложенных друг в

друга стереотипов восприятия, каждый из которых, если идти снаружи внутрь, менее значим для государства, но более значим для индивида, и наоборот.

²¹ «Советские» немцы в большинстве своем не идентифицировали себя с немцами «вообще» – германскими, австрийскими, американскими и прочими, что до последнего времени не позволяло выделять следующий уровень этнической идентификации: МЫ – НЕМЦЫ – ЛЮДИ МИРА (ЗЕМЛИ) (уровень самоназвания, семантической идентификации и этимологической общности, носители общего языка и культуры).

²² См.: История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.) / Вступит. статья, сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М.: МГУП, 1993. Т.1. С.159–160.

²³ Наиболее ярким доказательством эффективности ассимиляционной политики в отношении российских немцев стал процент межэтнических браков, который для российских немцев, начиная с 1940-х гг., был, по сведениям автора одним из самых высоких.

²⁴ В качестве объяснения можно привести также факт невыполнения принципа дисперсного расселения депортированных, которые в силу экономических и социальных причин получили возможность в условиях Казахстана и Средней Азии селиться более компактно, практически целыми поселками. С другой стороны, пресс государства оказался слабее, так как немцев в силу уровня образования, квалификации, приходилось привлекать, в том числе и на руководящую работу.

²⁵ В качестве доказательства можно привести значительный рост этнического самосознания «казахстанских» немцев по сравнению с «сибирскими» немцами, особенно после отмены режима спецпоселения. Именно «казахстанские» немцы оказались инициаторами писем в советское правительство по поводу восстановления республики немцев в 1960-е, 1970-е, 1980-е гг. Именно «казахстанские» немцы отличались значительной активностью при выезде в Германию.